

Инна Костяковская

ХРАМ ДУШИ

фото А. Гершона

Инна Костяковская – современная израильская поэтесса.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

В Хайфе в 2012 г. вышли два поэтических сборника:

«На пороге истин»

«На перекрестке Судеб».

Петр Полищук, член Союза писателей Украины:

«Где-то далеко, действительно за «морями-океанами» неизвестная мне женщина пишет стихи на неродном мне языке, которые читаются-чувствуются как нечто своё – близкое, знакомое, может, потому что...

Ах, души моей нежные струны!
Вам бы только всё петь и петь
в час, когда серебристые луны
в звёздном небе устали гореть.

И затянется дымкой пространство,
и на сердце - тоска и туман,
но с привычным таким постоянством
слышу голос, что свыше мне дан...»

© Костяковская Инна
Храм души
ЧП Жовтый А. А.
Умань, 2012

НИТЬ СУДЬБЫ

*Ах, моя рубашка тесная –
не влезают два крыла...
для кого сейчас воскресла я,
для кого вчера жила?*

*Быть весёлою, печальною
кто мне может запретить?
Я владею главной тайною,
я разматываю нить...*

ХИМИЯ СТИХОВ...

Стихи не пишутся, стихи рождаются, поскольку это энергетика, выраженная в словах. Химия... Именно так это происходит у Инны Костяковской:

*А мне бы ночью слышать эти звуки,
и сонною рукой вписать в тетрадь,
ещё не знаю – счастье или муки,
их просто слышать или понимать...*

Да, *вписать в тетрадь*, как это делали Пушкин и Ахматова... Мы в наше время уже не представляем свою жизнь без компьютера. Но стихи, которые приходят ночью, скорее всего, записывают именно в тетрадь. Как это добротнo-романтично! Какие муки? Конечно же, счастье, во всяком случае для читателя, воспринимать стихотворные строчки чувственно. Именно потому, что они – вход в ХРАМ ДУШИ:

*Только стоит к НЕМУ приблизиться –
видишь свет,
этот Храм, что в Синае высится –
твой, поэт!*

Новая книга Инны Костяковской разноаспектна. В ней всё: любовь к Родине – той стране, которую оставила, и той – где, живёт сейчас; философские мотивы, интимная лирика... Как мне кажется, каждый найдёт что-то сущностно близкое своей душе или уловит созвучность своему сиюминутному настроению. И неважно, что на самом деле чувствовала поэтесса, о чём думала, когда писала, главное – строчки проникают в душу. Для кого-то – моралью, для кого-то – напевом, для кого-то, как это ни странно, прозой жизни, выраженной в стихотворной форме. Мне нравятся слова, обращённые к читателю:

*Сорви забытый маленький цветок!
Ему прикосновение, как награда,
из полевых стихов сплести венок,
а большего поэту и не надо...*

Переливы чувств, оттенки ощущений, грани сюжетов... В её стихах отражаются и прочитанные книги, и увиденные события, и пережитые эмоции. Оказывается, Пушкин, тот самый Александр Сергеевич, умер не один раз, печально что:

*Наверно, просто в двадцать первом веке,
за монитором мы смыкаем веки,
а книги наши тихо умирают
и в мусорные баки попадают.*

*Тенденция достойная прогресса.
И умер «Пушкин» не от рук Дантеса.*

Зато как умиротворённо воспринимаются, казалось бы, простые строчки:

*А, одеялом укрытый,
спит, как ребёнок, муж.
Я – на другой орбите
мелких и грязных луж.*

Да что ещё в жизни надо-то, это какая же сила чувств, какая любовь, какая нежность – всего в четырёх словах: *спит, как ребёнок, муж*. Это и есть, на мой взгляд, высокая поэзия. Хотя нет, поэзия – это состояние души, она не может быть ни высокой, ни низкой, а уж тем более нейтральной. Поэзия, лечащая душу.

Книга заканчивается такими словами (они звучат оптимистично):

*Ещё встречать хмельной рассвет
я не устала...
Моей душе две тыщи лет,*

Начнём сначала...

Почему нет. Чтобы не случилось в этой жизни: *начнём сначала*. Самое интересное, что слова *начало* и *конец* имеют этимологически один корень. Это лингвистический факт. В поэзии всё, как в жизни. Это уж, как в песне поётся: *хоть поверьте, хоть проверьте*, а для начала – прочитайте новую книгу Инны Костяковской. Позитив обеспечен.

Счастья Вам, дорогие читатели, и Вам, пани Инна!

Наталия Цымбал

кандидат филологических наук, директор

Украинско-Израильского центра образования,

науки и культуры (Умань, Украина)

ЛЕСТНИЦА ВВЫСЬ

Часть 1

Гармония! Во всём объёме
Непостижима для ума.
Гуляет ночь в дверном проёме,
и с неба щурится луна.

Гармония непостижима.
И может, тем и хороша.
И так болезненно ранима
моя поющая душа...

ЛЕСТНИЦА ВВЫСЬ

Может, пора задуматься...
остановиться?
Плавится летом улица,
и злые лица...
И на духовной лестнице
нет перил,
Знаю, что там мне встретится,
кто любил...
Как победить сомнения,
вечный свой страх и лень?
Лестница – в поколение.
Выщерблена ступень...

ХРАМ ДУШИ

Нет, не стать никогда провидицей –
лик не тот...

Мы живём тихонько в провинции
круглый год.

И о чём стоит мне задуматься?

видит Бог,
эта серая злая улица,
как чертог...

Только стоит к НЕМУ приблизиться –
видишь свет,
этот Храм, что в Синае висится –
твой, поэт!

МОЛИТВА

Избави Бог не выдавить раба,
позариться на что-нибудь чужое.
Избави Бог чужие есть хлеба,
и не заметить рядом чьё-то горе.

Избави Бог от суетности дня,
тщеславия и первобытной мести.
Избави Бог от подлости меня,
и главное – избави Бог от лести.

Нет, мы – не ангелы. Мы – люди.
Мы знаем – вечно жить не будем.
Но я совсем не виновата,
что родилась с душой крылатой.

Нет, мы – не ангелы. Не боги.
И грусть застыла на пороге.
А песнь ветров манит куда-то,
я родилась с душой крылатой.

Нет, не увидеть нимб над нами,
мы часто жили миражами.
Но в обречённости заката,
душа по-прежнему крылата...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

За дождями и туманом

И за бурною рекой,
жизнь прожив самообманом,
где же мне найти покой?

Б-г сильнее, мудрее, выше.

Внутри и снаружи нас.
Душу свою я слышу,
а значит и Б-жий глас.

Ворон на старом заборе,
или синица – в руке?
Силы теряю в споре
о прожитом пустяке...

Где-то за семью туманами
сада ветхая ограда.

Где-то за семью дурманами
потерялся ключ от сада.

И брожу я, непутёвая.
Всё ищу тот старый сад.
Износилась обувь новая
Тыщу лет тому назад.

Всё ищу я тот единственный
город юношеских грёз,
где стоял туман таинственный,
где страдали не всерьёз....

МОЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Эти море и солнце видели

столько горя,

для кого ты была обителью,

знают горы...

Для кого ты была убежищем

знает лес,

нам, непомнящим, нам неверующим

свет с небес....

для кого ты была спасением,

расскажи,

и сжимают враги с презрением

рубежи...

Эти море и солнце слышали

Божий глас,

неужели мы просто выжили

в этот раз?

ДУШИ БЛИЗКИХ

У евреев всё быстро и просто,
тело в саван свернут у погоста,
прочитается наспех молитва,
и за вечность проиграна битва.

И душа, улетевшая к раю,
догоняет осеннюю стаю.
Взмах крыла этой розовой птицы,
на земле он в других повторится.

И весной пролетают над нами
души близких над облаками.
Вдалеке вижу розовый клин,
рассекающий вечную синь...

ЧЁРНАЯ ЧЕЛКА

С чёрною чёлкой,
с сияющим взглядом,
смешная девчонка
проносится рядом...

Что-то кольнуло
и режет в груди,
и юность мелькнула,
чтоб дальше уйти.

Там, на просторе,
таинственный свет.
Но сложатся горы
из прожитых лет.

Нет нам дороги
в тот солнечный дом,
уставшие ноги
твердят о другом.

Не бить им чечётку.
Забыть о весне.
Ах, чёрная чёлка!
Как песня во мне...

Я выставила совесть за порог.
Мне без неё приятней и спокойней,
С печальных глаз икон не смотрит Б-г,
покоем равнодушья недовольный.

Но что-то не даёт спокойно спать.
И мучает меня, и в дверь стучится.
И кровь невинных капает в кровать.
И сердце бьётся раненою птицей.

Без совести в тоске живёт душа,
ей не летать, не петь и не любить.
Я всё отдам, до медного гроша,
чтоб только совесть в душу возвратить.

Что же нас тянет в небо?
В эту бескрайнюю высь,
может быть, был и небыль
знают особый смысл

этого притяженья,
в высь, где душа парит.
Может быть, звёзд движенье,
нас в эту даль манит...

Когда в душе поэта пустота,
есть вето на талант... и как не горько —
мелодия рождается не та,
да и живёт одно мгновение только...

ВЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Ищу ответы там, где нельзя,
тропинкой к свету моя стезя,
дома чужие, чужая речь,
а мне бы речкой в России течь,
а мне бы ветром да на просторе,
гонять кораблик в открытом море...
Ищу ответы, но в сердце — пусто,
и потерялись былые чувства.
Лишь шорох капель пронзает тишь,
и где-то плачет чужой малыш.
Притихший город. Ему нет дела,
как я жила, любила, пела...
Уставший город.
И вечный дождь.
К дождю приколот,
ты лета ждёшь.

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Дайте мне простой карандаш!
Нарисую мир странный наш.
Будут точки, тире, многоточия.
Будто шифр судьба напороочила.

Дайте мне простой карандаш!
Кто-то скажет: " Какая блажь!"
И пристроит палец к виску,
на меня нагоняя тоску.

Просто кончились краски лета.
Не убить же меня за это?
И цветные карандаши
не тревожат моей души...

ОДНОТИПНОСТЬ ФРАЗ

Мне ничего уже не повторить.
В печальной обречённости заката
запуталась моя земная нить.
Но в этом я совсем не виновата.

Мне ничего уже не написать.
Всё сказано. Написано. ПрожИто.
И ветер не взорвёт морскую гладь.
И не штормит. Я к берегу прибита.

В песках завяз мой жизненный баркас.
Ему бы в даль – где горизонт так светел.
Но не пускает однотипность фраз.
Перегоревших. Мертвых, словно пепел...

Я – КЛОУН В МАСКЕ

Я брошу горсть монет

в фонтан Любви,

хоть счастья нет

и призрачность лови.

Блестят монетки

на зелёном дне,

марионетка

я. Внутри и вне.

И дёргают за

ниточки не в такт.

Я знаю, что слеза –

есть мегафакт.

И клоун в маске –

В вечной маске смеха,

жизнь по указке –

страшная потеха...

ГАЛЕРЕЯ СНОВ

Что трудней?

Забыть или забыться?

В стае дней,

где так бесцветны лица,

где для сцены

разобрали маски,

где бесценны

траурные краски.

Что важней?

Уплыть или остаться

в перспективе

старых декораций?

В объективе –

парусник бумажный,

просто диво

стойкости отважной.

Что знаешь обо мне, несмелой,
в которой задержалась грусть,
и пусть жила я неумело,
сказать об этом не боюсь...

И, пригубив из двух бокалов,
Я вдруг такое поняла —
что целой жизни будет мало,
познать баланс добра и зла...

Как часто звуки важнее смысла, важнее чувств,
а в тёмном небе луна повисла и снова грусть...
и мой кораблик утонет в луже в который раз,
и этот город... ему не нужен мой перифраз ...
а жизнь прекрасна, пусть и жестока, пусть коротка,
набор согласных, но так неплохо звучит строка...

ЕСЛИ ТЫ ПОЭТ...

Часть 2

Человек открыл в подсознание путь,
по дороге этой вникая в суть.
Диалоги с Богом душа ведёт,
и прекрасен этой души полёт.

Если ты поэт, значит, видишь свет,
Значит, нет преград и сомнений нет,
Пусть сгоришь дотла, до истленья жил,
может быть, не зря ты на свете жил...

Ш. Ф.

А мы сыграем нашу роль
без репетиций!
И я не дам тоске любой
с тобой сразиться!

А мы сыграем нашу роль
без повторений...
Не уходи, побудь со мной,
забытый гений!

А мы сыграем нашу роль
под шквал оваций...
Но где-то на земле другой,
других простраций!

Г.Ф.

«Верните мне крылья! Верните мне крылья!»,
и сны просто станут сбывшейся былью...
верните мне крылья, мне хочется в небо,
всё выше и выше, в те дали, где не был...
верните мне крылья, пусть даже на миг,
и мир разделился на стон или крик!

ПОТОМУ ЧТО УШЁЛ ПОЭТ...

А над Киевом солнце жаркое.

И на кладбище яркий свет.

Я не певчая птичка – жалкая,
потому что ушёл поэт...

И останутся фотографии,
чёрно-белым фантомом лет,
и напишутся эпитафии –
потому что ушёл поэт...

А на небе, хрустально-сером,
самолёт вдруг оставил след,
словно там начертали мелом,
что сегодня ушёл поэт...

Не тоскуй и не плачь, Наташа!
Он в раю, где гармонии пир...
а судьба, словно жизни чаша –
на кусочки разбитый мир...

ВЕСНА

Нет ещё все палящего зноя,
и ковчег не наполнен у Ноя,
и бурлящий и шумный поток
не срывает нам твердь из-под ног...

Пережитое кажется малым,
и ещё не разрушены храмы,
и мечта ещё не убита,
и ещё хватает иврита...

*«... станем неземными
существами, Поскольку нас не
будет на земле»*

Марк Азов

Поэты не уходят никогда,
с корнями в наших душах прорастают,
пусть тает жизнь, уходит в никуда,
в края чужие, где рассветы тают.

Высоты – есть. Полёт души. И боль.
За мир, который так не абсолютен...
И даже смерть не дарит им покой –
поэт всё так же одинок и бесприютен...

СКОЛЬКО...

Сколько на меня обрушится
новых бед?

Словно в танце с нами кружится
лунный свет...

Сколько мне ещё под звёздами
не гулять?

Сколько мне часами поздними
не вставать?

Видишь, снова стены рушатся
до камней...

В страстном танце с нами кружится
вечность дней...

К ЧИТАТЕЛЮ...

Стихи растут, как сорняки в пыли,
не сорванные, странные, забытые...
так незаметны в сумрачной дали,
лишь росами холодными умытые.

Сорви забытый маленький цветок!
Ему прикосновение, как награда,
из полевых стихов сплети венок,
а большего поэту и не надо...

НОЧЬ

«Только пепел знает, что значит сгореть дотла»

Иосиф Бродский

«Только пепел знает,
что значит сгореть дотла»,
рука тебя ласкает,
а мозг твердит: «Была...»,

По зелёным улицам
вновь веет вечерний бриз,
что ещё не сбудется
в этой дороге вниз?

Пусть жила неправильно,
пепел в душе осел,
но лиловое марево
лечит от глупых тем...

*«Лампада фонаря янтарного
над изумрудною листвою»*

Василий Муратовский

«Лампада фонаря янтарного
над изумрудною листвою»,
в стихах так много элитарного,
и взгляд на мир, конечно, свой.
В стихах так много грусти истинной,
в них жизнь – рождение и смерть.
Как будто песнею единственной
их суждено с тобой пропеть.

ОСКОЛКИ

Часть 3

Разлетелись в стороны мелкие осколки,
от разбитой жизни слишком мало толку,
я метлой скрипучею
подмету опять,
всё, что нам по случаю
вместе не собрать.

Не срослось, не склеилось — некого винить,
и давно оборвана Ариадны нить.
Наши отношения,
наши недомолвки...
Я без сожаления
выброшу осколки...

Ю.К.

Поставь опять на газ наш старый чайник!

Свидетелем и грёз, и наших слёз,

он оказался, как всегда, случайно.

Нелепо как-то, как-то невсерьёз

мы строили воздушный замок счастья,

к нему пытались подвести мосты,

не видя среди полного ненастья

испачканные белые листы...

Мы не живём, мы в облаках витаем —

всё выше, но опасней с каждым днём,

наш мир для многих — так необитаем,

а мы в нём очень счастливо живём...

Ю.К.

Есть только ты – сегодня и сейчас,
такой родной, родной и настоящий.
Есть только ты и блеск любимых глаз,
и этот нимб, над головой парящий.

Есть только ты. В душе моей теперь
мелодия весенних песнопений.
Есть только ты. Забыты боль потерь
и вечный страх кошмарных сновидений...

Удержи меня в плену
губ, объятий и улыбок!
Нет, не ставлю я в вину
сделанных тобой ошибок...

Удержи меня, прошу,
в этой клетке, цвета бордо,
в ней почти, что не дышу,
но смотреть пытаюсь гордо.

Я с обидой не дружу,
враг беспечности и лести,
даже сердце остужу –
лишь бы быть с тобою вместе!

И о чём мечтать в самом деле?
Строить планы, скажи, о чём?
Мир любви давно на прицеле —
мы и станем ему палачом.

От безверия до бесправия —
только шаг...
Не пришедшие к пониманию
друг и враг...

Потому, что не стало азарта,
жизнь внезапно закончится завтра,
потому, что нарвались на мели,
потому, что сердца оскудели.

Я надеюсь, весна – это повод,
растопить наших душ вечный холод,
Двадцать лет я живу без метелей,
Всё – дожди. Как они надоели!

Но так сильно, поверьте, грустится,
если в небе проносятся птицы...
И летят они строем отважным
в те края, где жила я однажды...

«Когда ты вспомнишь обо мне в краю чужом...»

Иосиф Бродский

Нет, ты не вспомнишь обо мне.

В краю, где лето так беспечно,
мы не платили дань весне,
надеясь, что продлится вечно.

Нет, ты не вспомнишь никогда
мои глаза, что цвета мёда,
бежит проточная вода,
и время поглощает воду...

Смывает времени вода
всё, что когда-то было важно.
К чему нам память? Ерунда!
Утонет парусник бумажный!

Нет, ты не вспомнишь... Ну и пусть.
В душе твоей другое имя.
И только навевает грусть,
Весна, что так неповторима.

ЗАЧЕМ ТЕПЕРЬ...

Зачем теперь, когда уже не надо,
Когда любовь ушла давно,
Твоих стихов нелепая бравада,
Мне всё равно... Мне всё равно!

Зачем теперь, когда развеял ветер,
Безумный бред упрёков и обид,
Твои слова сегодня – только пепел,
Костра, который больше не горит...

МАЛЕНЬКАЯ СМЕРТЬ

В южном «холодном» городе
больше не вижу снов.

И в циферблатном золоте
не различу часов.

Умерло что-то. Умерло.
И телефонным зуммером,
чтобы воскреснуть вновь,
грустно поёт любовь...

Сердце в тревоге замерло,
Где ты? Ответь, ответь!
Я проживаю заново
маленькую смерть...

Не говори «прости». Любви вино
ещё наполним ароматом грусти.
Не говори «прости» – мне всё равно –
сейчас сгорая, умирают чувства.

Не говори «прости» – скажи «прощай»!
Уходит вдаль наш парусник надежды,
и никогда к нам не вернётся май,
и не подарит белые одежды...

Лилит жива. Она неистребима.
В любой из нас, мужчиною любимой.
В любой, в которой – страсть жива,
живёт Лилит, да и всегда жила.

Моя Лилит, предшественница Евы,
слагает страсти нежные напевы.
И в каждой женщине манит
своя, особая Лилит.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Каменное сердце
песней не пронять,
не откроешь дверцу
в Божью благодать.

Каменное сердце,
лёд прикосновений,
никуда не деться
от судьбы мгновений.

И не сдвинуть камень
из стены холодной,
голыми руками
девы благородной...

В ССОРЕ...

Стоят задумчивые клёны –
свидетели моей тоски.

Я знаю – день начнётся новый,
но ты не подаёшь руки...

Стоят задумчиво-печально,
в зеркальном кружеве ночей.
Я знаю – ты забрёл случайно
на блеск негаснущих свечей...

Когда я спорить совсем устану,
и лёгкой искрой замру во мгле,
тебе, любимый, спою осанну,
о том, как жили мы на земле.

И в крик призывный вольются реки,
и закружИтся земля быстрее,
когда-то были мы человеки,
а стали тенью своих теней.

Если стану твоим безумием —
не брани меня, не ругай.
Я давно телефонным зуммером
различаю дорогу в рай.

Если стану твоим страданием —
всё равно не забыть меня.
Ожиданием расставания
заполняю просторы дня.

Если стану твоей надеждою —
значит, точно, судьбе видней.
Только вряд ли я буду прежнею,
в перспективе вчерашних дней...

ЕСТЬ ЗАВЕТНАЯ УЛИЦА...

Если что-то не сбудется –
у судьбы на весах
есть заветная улица,
где не селится страх.

Этот дом на "обочине"
Галилейских холмов
мне судьба напророчила
из загадочных снов.

Есть заветная улица,
номер дома и день,
где погода не хмурится,
где не властвует тень.

Есть заветная улица.
Как мечта или сон.
Где мне всё-таки чудится –
ты всё так же влюблён.

Наступает пора равновесия,
безмятежности розовых снов.
И уже не впадаю в депрессию
я, читая стихи «про любовь».

Только в строчках всё те же безумства,
та же боль, та же страсть, та же грусть!
Нет, ещё не погашены чувства!
Нет, ещё не утратили чувств!

Я знаю, что вернусь
к тебе простым напевом,
когда навеют грусть
дожди о снеге белом.

Когда объявит ночь
свои права по праву
на сына или дочь,
а, может, и на славу.

Я знаю, что вернусь
забытым старым словом,
всем «половодьем чувств»
сказать о чём-то новом.

КАРТИНА МИРА И ПОЭТЫ

«Картина тиха, как бумага...»

Осип Мандельштам

«Картина тиха, как бумага»,
но крик над Вселенной повис!
Пьянит, как всегдашняя брага,
её бесконечный каприз.

За далью, за вечною пылью,
за сумраком дней и веков,
встают над сегодняшней былью,
наследники тяжких оков.

Парят, невзирая на тяжесть.
Забвенью их не победить
На сердце ложится и ляжет
Их песен волшебная нить...

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

ЧАСТЬ 4

«Я выбираю Свободу

Быть просто самим собой»

А.Галич

Я выбираю свободу,
любить, дышать и петь.
Босою иду по броду,
пусть даже воде кипеть.

Я выбираю свободу
от суеты и быта.
Только небесному своду
ВедОмо – к тебе прибита...

Я выбираю свободу
думать, мечтать, хотеть.
Пусть даже расстрельная рота
меня поведёт на смерть...

Маленькие люди.
Маленький масштаб.
На дорогах буден
разбирают скарб.

Маленькие люди.
В сумраках ночей
ждут, мечтают, любят
в отблесках свечей.

Маленькие люди,
Маленькие планы...
Всё, конечно, будет —
поздно или рано.

11 марта. ЦУНАМИ

«Чужого горя не бывает...»

Константин Симонов

Я никогда там не была, поверьте,
Да это и не главное сейчас,
Но цену жизни, как и цену смерти,
так остро ощутила в первый раз...

Стихия! Ты судья или палач,
который беспощадно убивает?
Японского ребёнка слышу плач,
Чужого горя не бывает!

ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ

26 апреля 2012 г. – 26 лет катастрофе Чернобыля

У горя глаза особые,
Бездонные, как озёра,
Я помню детей Чернобыля –
Как стайкой входили в море...

Как их приняла чужая
И чуждая им страна,
Как детский кусочек рая
Вкусили они сполна...

Я помню детей Чернобыля,
Я их забыть не сумею...
У горя глаза особые,
Их даже не лечит время.

СТАРУШКА С КЛУБКОМ МАРКА ШАГАЛА

просто ассоциация...

Война, нищета и разруха,
сколько же было пройдено.
И мотает клубок Старуха –
непутёвая Родина.

Зачем серыми пальцами
Снова мотаешь нить?
Те поезда на станциях
вряд ли остановить.

Взгляд понурый, скошенный
мимо чужих забот,
Сколько одежд не сношенных?
Сколько плодишь сирот?

Я И ВРЕМЯ

Время – выше и шире.

Время свободней нас.

Снова звучит в эфире
чей-то знакомый бас...

И качнётся маятник

на «Часах» Шагала.

Время – старый памятник
новому началу.

Время придавит грузом,
памятью прошлых лет.

Я открываю шлюзы,
в прошлое взяв билет.

МЫ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Мы по разные стороны.

Мракобесия бред.

Где-то чёрные вороны,
где-то ангельский свет.

Мы по разные стороны

поднимаем затвор.

Одинаково солоны

только слёзы у вдов.

Мы по разные стороны.

Но не видно границ,

Безнадёжностью скованы
выражения лиц.

Мы по разные стороны.

Песен, судеб и вех,

Поземному устроены –
только небо на всех...

ПРАХ КАТОСТРОФЫ

«Календарь Москвы заражён Кораном»

Иосиф Бродский

Вопреки куда-то идущим планам,
мы, так придавленные Кораном,
мы, забывшие слово «честь»,
потеряли благую весть.

Это мы, создавшие наших «братиев»,
смачно плюющими на «демократию».

Мы, гонимые вечной болью,
перепутали жизнь с юдолью.

И когда наступит расплата,
брат уже не услышит брата.

Пусть Европы земля так просто
стала вечным для нас погостом,
прах, рассеянный лишь ветрами,
он по следу идёт за нами.

И пронзительный вой сирены
через кожу впитали вены,
Замирает на миг мгновение
от кошмарного сновиденья...

И история в разных лицах
пусть спиралью не повторится.

...после фильма Эфраима Севелы «Колыбельная»

*По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!
Марина Цветаева*

Нелёгкая и пыльная дорога,
и на спине опять тяжелый крест,
когда в евреях убивали Бога,
не содрогались улицы окрест.

Когда они толпою на Голгофу,
прижав детей к груди, понуро шли,
рыдания не сотрясли Европу,
и не разверзлась твердь родной земли.

И повторяется «мистерия» без немцев.
Наверно, «инквизиции» нужны
и кровь тулузских ангельских младенцев,
и палестинцев острые ножи...

Ах, моё эмигрантское племя!
Беспощадно к тебе было время.
Со времён Византии и Рима
ты сто тысяч дорог исходило.

Моисея заблудшие дети
где-то бродят по этой планете.
Что находят? И что потеряли?
И кому завещали скрижали?

Марине В.

Поделюсь с тобой своим открытием,
всё по жизни делаю не так,
и владеет мною как наитием,
вечно недосказанный пустяк.

Поделюсь с тобой своим сомнением,
для чего теперь моя строка?
И уже неважно самомнение.
Только почему дрожит рука?

Пусть она зачёркивает заново
Всё, что по судьбе перечеркнуть,
Ах, Марина, нам бы это знание –
где и как закончим этот путь...

Уходя, я расплескала чай.
Не вини меня и не серчай!
Это просто такая работа,
через душу протаскивать что-то.

Может, это карма такая,
убегать от обычного рая.
И слезами по лужам маячить
ничего не понять и не значить.

И откуда эти напасти,
я листок разрываю на части.
Улыбнулся случайный прохожий.
Мне, такой на других не похожей...

Я ЗАБЛУДИЛАСЬ ...

Я заблудилась в городе опять,
картонных домиков похожесть так привычна,
нет, вам меня не следует искать,
и о пропаже заявлять публично.

Я растворилась в сутолоке дня,
в мелькании прохожих, в диком гаме,
вы просто не заметили меня
в блестящей и шуршащей амальгаме,

в потоке этих заурядных лиц,
в разноголосой музыке предместий,
в улыбках вездесущих древних жриц,
торгующих легко в рассрочку честью...

Одумайся, Земля! Уже бурлит
вода того вселенского потопа!
Я растворюсь в тебе, как индивид!
В ответ калиткой только ветер хлопал...

СОН

Опять в ночи в окно тоска стучала,
корабль Мечты отчалил от причала.
И тишина. Ни стоны и ни звука.
Лишь диск луны завис значеньем круга
над горизонтом. Лишь морские дали
кораблик этот на волнах качали...

ВОКЗАЛ

Вокзал – свидетель наших чувств,
побед и горьких поражений,
ему знакома наша грусть,
и незаконченность движений.

И застывают слишком часто
на стрелках времени мгновенья,
и в мутных стёклах безучастно
гуляют только привиденья.

Б-г бы рад помочь,
да масштаб велик,
и приходит ночь,
если день поник...

Выползает зло
из своих сусек,
нам не повезло —
Б-г — не человек.

Наблюдатель он,
всё грустнее взгляд,
этот Рубикон —
нами он не взят...

ОЖИДАНИЕ

Всё ждала и тебя так мучила-
целый год!

Но, пойми, с «наступленьем лучшего»
недолёт!

Пусть с небес кто-то дать пытается
точный пас,
может зря ОН для нас старается
в этот раз?..

Я и Время шагали в ногу
по бескрайним чужим дорогам,
Только что-то со мной случилось
и от Времени я отбилась.

И теперь я по тёмным улицам
всё брожу одна, наугад.
Месяц в небе печально хмурится,
одиночеству он не рад.

Не угнаться за быстрым временем,
не поймать, не загнать в тиски.
Пусть ложится на душу бременем
и опять серебрит виски...

Я пойду до конца, пусть и пройдены,
Подсчитала – две трети пути,
от давно отвернувшейся Родины
всё равно никуда не уйти...

И болит сердце снова и мается,
И случается вечная грусть...
Ах, Россия, тебя не касается,
что к тебе никогда не вернусь...

СРЕДИ ЗАПЯТЫХ И ТОЧЕК...

Часть 5

Тормоза опять отказали.

И несёмся вниз, по спирали.

Под колёсами нашего быта

всё «живое» сегодня убито.

Мы несёмся зигзагами в бездну.

Мне так страшно. Я скоро исчезну.

Но останутся несколько строчек.

Я надеюсь, разборчивый почерк?

Обычный день за вереницей прочих
опять шагает просто в темноту,
А я живу средь запятых и точек,
заполнивших собою пустоту.

А я живу на перепутье Грёз,
На перекрёстке разных междометий,
на улице Невыплаканных слёз,
потерянной в бескрайности столетий.

Я – человек. Не Б-г. И не пророк.
Отряхивая прах вселенской пыли,
Я – полководец выстроенных строк,
которые меня же и убили...

ТОМИК ПУШКИНА В МУСОРНОМ БАКЕ

Что с нами стало? Время ли, реальность,
нам пустоту подкинуло за данность.
И в куче мусора, забытый и печальный,
валялся «Пушкин». Я нашла случайно.

Наверно, напрочь очерствели души,
на нашем, слишком жарком месте суши.
Наверно, напрочь обмелели чувства,
чтоб понимать высокое искусство.

Наверно, просто в двадцать первом веке,
за монитором мы смыкаем веки,
а книги наши тихо умирают
и в мусорные баки попадают.

Тенденция достойная прогресса.
И умер «Пушкин» не от рук Дантеса.
Проиграна дуэль. Закончен вечер.
Нам нечем крыть. И отыгаться нечем...

Вечность давно отразилась в миге,
как безысходность в обычной фиге.
Пусть в дураках процветает чванство –
я закрываю своё пространство.
Я на засовы закроюсь прочно,
от мира, в котором тоска порочна.
Пусть развлекают нас только шоу,
путь простой и такой дешёвый,
чтоб прийти к отмиранью душ,
словно зомби, внимая чушь.
Чтоб забыться в сплошной нирване,
на продавленном сном диване.
От такой перспективы роста –
лишь мгновение до погоста...
И зацепит тебя, накроет
ветер, что так противно воет.
И разрушит порывом стены,
погребая всё то, что ценно.

«Старение! В теле всё больше смертного»

Иосиф Бродский

Старенье! Это, наверное, страшно!

И забывается день вчерашний.

И память, свои потеряв пределы,
уже предавать начинает тело.

И утихает любовный лепет,

И Галатею никто не лепит.

Старенье – это, наверное, жутко,
и жизнь смеётся над старой шуткой,
а мы, так верящие в удачу,
уже совсем ничего не значим.

И наступает процесс прозренья,
и в точке роста замрёт цветенье.

ТОСКА

Прости мне, день,
извечную тоску,
как тень
прощает морю и песку
их первородство.
Как прощает осень
своё несходство
с пыльной шапкой сосен.
Как чёрных туч
безбрежный океан
прощает луч,
который Б-гом дан.
Прости, прошу,
извечную печаль.
Ещё дышу.
Ещё так манит даль...

«Черной ни днесь, ни впредь

Не заткну дыры.

Дай мне о го'ре спеть

На верху горы.»

Марина Цветаева

Где-то там, впереди – гора,

я карабкаюсь на неё.

Позади – равнодушья дыра,

Впереди – нетерпенье моё.

Отчего такая напасть?

Вижу горы, но не дойти,

я срываюсь с разбега в грязь,

остановка на полпути.

Камнепадом летят слова,

оставляя обидный вкус,

я сегодня ещё жива,

а про «завтра» сказать боюсь.

Мне бы только к моей вершине,
подойти хотя бы на шаг,
не заикнуться на половине
и не выбросить белый флаг.

Мне бы только успеть допеть
песни грусти, любви, тоски,
мне бы только душой гореть
от протянутой мне руки.

Я собираю по крошкам
чувства, мечты, стремления.
И туман за окошком
как третье измерение.

А, одеялом укрытый,
спит, как ребёнок, муж.
Я – на другой орбите,
мелких и грязных луж.

Я – на другой планете,
где всё острее грусть.
За целый мир в ответе,
грязь обходить учусь.

Сама себе придумала рассказ.
Теперь живу в нём, как и все на свете —
под детский лепет слишком глупых фраз,
с мечтою о давно забытом лете.

Ну что ж, так вышло. Может, это блажь.
Фантазии полёт. Далёкий Рим.
Но этот мир — он, знаешь, только наш,
и никогда в нём не бывать другим.

И суждено с тобой его беречь.
До самого последнего заката.
Его загадки всех разлук и встреч
мне не понять. А впрочем, и не надо...

Сама себе придумала кино.
Где плач? Где смех? На всех довольно боли.
Его сюжет известен нам давно.
Так почему опять немые роли?

«Умейте домолчаться до стихов»

Мария Петровых

«Умейте домолчаться до стихов»,
Умейте их дожждаться терпеливо,
придёт, как отпущение грехов
тогда на встречу Муза или Лира.
Умейте домолчаться. Тишина
накроет вас небесным покрывалом,
качнётся в небе бледная луна,
и слов уже так безнадежно мало...
Взлетит душа, лишённая оков,
туда, где вдохновенью нет преграды.
Умейте домолчаться до стихов.
Умейте их дожждаться. Как награды...

МЫСЛИ

Вот новый день опять рождает мысль.
И вновь слова ложатся на бумагу.
А мне бы отыскать их главный смысл,
а мне б былую сохранить отвагу.

Приходят мысли. Их давно гоню.
Устала. Я измучена, поверьте.
Как будто объявили мне войну
на грани. Между жизнью или смертью...

СЛОВО

Тихой поступью, так невесомо,
органично, как всякий пустяк,
пусть за мною привяжется слово,
как за роскошью стайка бродяг.

И пускай снова мучит и жалит,
не даёт мне спокойно уснуть.
И пускай вновь меня избивает
этот кем-то направленный кнут.

Всё стерплю. И обиды, и страхи.
Равнодушие. Смех дураков.
Проступает на белой рубахе
ярко-красная свежая кровь...

Нет, слово не является случайно.

Оно тебя и мучает, и жжет.

И проникает самой важной тайной
в твой мозг, всё зная, зная наперед.

Преследует тебя. И заставляет
вдруг стать рабом у чистого листа.

А по-другому просто не бывает.

А по-другому правит пустота.

ПОЭЗИЯ

Гармония души и звука,
слияние особых чувств,
поэзия, скорее – мука,
которой я не научусь.

Слова приходят без подсказки,
давно придуманы Творцом.
Поэзия, скорее – сказка
с непредсказуемым концом...

Я жизнь свою, как повесть,
читаю невпопад...
Любовь.

Разлука.

Совесьть.

И страсти листопад...

Страницу за страницей
перечитать боюсь.
Мне снова будет сниться
забытой песни грусть.

\

НАПЕРЕКОР СОМНЕНИЯМ...

Часть 6

А мы остались жить —
Наперекор сомненьям.
Холодный воздух пить
полночным сновиденьем.

А мы остались здесь —
невидимой планетой,
чтобы услышать песнь.
Чтоб рассказать об этом.

Да, суть мировых катаклизмов
не поменять, не постичь.

Поставит привычную клизму
тебе непутёвая жизнь.

И будешь надёжно прикован,
посажен на цепь, как бродяга,
печальной песней и стоном
наполнится старая фляга...

И выпьешь настой из сомнений,
безумств и ночной пустоты...

И может, проснувшийся гений
к тебе обратится на «ты».

Жизнь привычных двойных стандартов
на столе раскидала карты,
нет, не стать мне пиковой дамой,
столько лет пролетели даром.

Я подобна обычным смертным.
и движенья мои – инертны.
мысль цепляется шестерёнкой –
как не хочется слыть шестёркой.

В этом мире, таком жестоком
я давно не играю в покер,
перепутались карты, люди
в этом мире стандартных буден.

Памяти редкие всполохи,
словно огарки свечей...
Как же мне всё-таки дороги
стоны далёких ночей.

«Самые малые малости»
помню наперечёт...
Горечи больше, чем сладости –
время вперёд течёт.

Но остаются в памяти
лица, слова и звуки...
Знаю – душа на паперти
вновь протянула руку...

Ю.К.

Ты – единственный – знаю, знаю!
Не обидишь и не предашь!
Книгу Судеб с тобой читаю,
этот мир так недолго наш!

Ты – единственный. Это точно,
без придирок и без прикрас
просто любишь меня «построчно»
и никто тебе не указ.

Просто веришь, что в каждой точке,
в многоточиях, в запятых
новый лист, что скрывался в почке –
лишь душою рождённый стих...

Вопросительным знаком
месяц повис...
Может, закончится дракой -
скатишься вниз.

Может, в угоду злой и
противной судьбе
будешь искать золотой
где-то на дне.

И ничего не найдешь.
Жизнь – маскарадом,
Старый замызганный грош
кажется кладом...

Пусть блистать оптимизмом —
могут лишь дураки,
от рожденья до тризны
получай тумачи,
но шагаю я бодро
в мире встреч и разлук,
эти «полные ведра»
чертят замкнутый круг...
Расплескались напрасно
наши чувства и мысли
между «Чёрным и Красным»,
между смертью и жизнью.

Потому что вечность — это всего лишь миг,
в котором ты растворяешься без остатка,
оставив след из туманных ненужных книг,
что раньше были просто твоей тетрадкой.

Потому что день — есть только полёт шмеля
в моё распахнутое окно... без спроса,
ты подумаешь — на фиг, зачем для меня
этот бег... Но сумасшедшего кросса

не остановишь. А только притормозишь,
может, оглянешься, если позволит утро.
Плачет в коляске милый смешной малыш...
Только в «разбеге» слёзы услышать трудно...

ФОТОГРАФИЯ

Ну, улыбнись, хотя бы для фотографа!
Позволь ему, позволь запечатлеть,
твою улыбку – вроде иероглифа,
которая так глупо будет тлеть...

Ну, улыбнись, хотя бы на мгновение,
как будто день так радостно-искрист!
Чтоб навсегда осталось впечатление,
чтоб краскою оно легло на лист...

Ну что? Не получается без повода,
в глазах – печаль, и грустен взмах ресниц.
Всё потому, что слишком веет холодом
от пустоты вокруг стоящих лиц...

Нет, мне не написать тебе сонет.
Не потому, что слов вдруг стало мало,
ты думаешь, что я давно поэт,
а я – никто. Ничто. Я – как попало.

Нет, мне не написать тебе поэмы,
не потому, что мысли вдруг пропали.
Нашлось бы три-четыре важных темы,
но до меня поэмы написали...

А мне бы просто надышаться впрок
на берегу, у главного причала.
А суть – она так часто между строк.
Не потому, что слов вдруг стало мало...

НАСТРОЕНИЕ

Устал мой голос –
надрывна песнь,
белеет волос,
врагов не счесть.

Умолкли звуки
любовных песен,
устали руки,
и взгляд не весел...

Забыта вольность
минувших дней,
и безысходность
стучится в дверь...

Где-то, за морями-океанами
есть такая чудная страна –
где земля не заросла бурьянами,
время года где – всегда весна.

Столько лет от пристани до пристани
я скитаюсь в поисках её,
всё ищу так страстно и неистово
ту страну, где райское житьё.

Может быть, мне звёздами назначено
отыскать, найти нелёгкий путь.
Столько сил и песен зря потрачено,
но уже назад не повернуть...

МГНОВЕНИЕ

Я на мосту, на белом островке,
а мимо мчатся разные машины.
Наверно, время в царственном плевке
сегодня просто прокололо шины.

Я на мосту. Вокруг чужая жизнь
проносится стремительно и рьяно
Мгновение, прошу, остановись!
Тебя так мало.
Слишком,
слишком
мало.

КАМЕННЫЙ РАЙ

Каменный рай
хайфских окраин.
Солнечный край
Богом подарен.

Тесно домам,
душно и жарко,
но не отдам
вам я подарка.

Там, вдалеке
море без края.
Мы в тупике
этого рая...

ТАЮТ ГОДЫ В ЧЁРНО-БЕЛОЙ ДЫМКЕ...

Снова солнце над вечерним морем.

Серебрится ласковая гладь.

Мы опять до одуренья спорим,

ищем то, что нам не отыскать.

И как вехи, пройденные нами,

как этапы бесконечного пути,

возникают стройными грядами,

волны памяти – от них нам не уйти.

Возникают будто на картинке

старый дом и опустевший сад,

тают годы в чёрно-белой дымке,

даже мига не вернуть назад.

Я знаю, есть дома
и выше, и богаче,
Я знаю – есть тома,
их знает каждый зрячий.

Я знаю – есть слова,
как бритва синим венам,
кружится голова,
плененная их «пленом».

Мне дом милее мой –
забытый, тихий, шаткий,
Где радость, смех и боль
разделены тетрадкой.

Мне ближе он, родней
дворцов иных и башен.
Где ход обычных дней
всё так же бесшабашен.

Здесь, на земле, где мне с лихвой досталось,
я всё-таки ещё топчу траву.

И часто просто вызываю жалость.

И счастлива во сне. Не наяву.

Здесь, на земле цветного «беспредела»,
Ажурной лепки радуги и звёзд,
С душой не хочет расставаться тело,
Счёт дней не принимается всерьёз.

Ещё живу. Беспечно и бездарно.
По клавишам выстукиваю дробь
И почту вынимаю регулярно
Из клеточек отведенных трущоб.

Ещё я существую, в самом деле,
Ещё умею верить вещим снам.
И теплится душа в привычном теле,
Но неизбежность тянет к небесам.

Я знаю – с прошлым научилась расставаться,
Безжалостно стирая имена
Из книги памяти. Давно без декламаций
Ненужные уходят письма.

Но остаются и стихи, и лица.
И та же боль. И та же пустота.
И там, на обескровленных страницах
Я существую. Но уже не та.

ПЯТЫЙ УГОЛ

Пятый угол. Мой старый знакомый.
Как я часто искала тебя
По бескрайним немым коридорам
Уходящего в прошлое дня.

Пятый угол. Беспечности ради,
Или, может, судьбе вопреки,
В нем свои заполняла тетради.
В нем забыла я черновики.

Пятый угол! Ты пятой колонной
Снова встанешь. Предашь. Не поймёшь.
И укатится в омут бездонный
Заработанный новенький грош...

Может, назовут утопией
Всю мою былую прыть.
Только с этой философией
Мне сейчас по жизни плыть.

Ты, кто рядом и не хаживал,
Что ты знаешь обо мне?
Кто мои ошибки сглаживал?
За кого сгорю в огне?

Голос, что тогда слышала,
Он не каждому знаком.
Может, только так я выжила,
Потому и в горле – ком.

УМИРАЮЩИЙ МАГАЗИН

Умирающий магазин!

Полумрак. Мрачный холод полок.

Сколько лет тебе, сколько зим?

Понимаю – твой век недолог...

И стоят здесь давно в пыли

Умирающие гиганты,

Словно старые корабли,

Заблудившиеся без карты.

Что случилось? В наш умный век,

Где от мыслей слова устали –

К монитору припал человек,

Забывая, что есть скрижали.

Умолкает мой сдавленный крик,

Оглянулся случайный прохожий.

Показалось, пусть даже на миг –

На кладбище «Дом книги» похожий...

МОЁ ВТОРОЕ «Я»

После прочтения «Горбунов и Горчаков» Иосифа Бродского

Моё второе «я» опять молчит.

Что с ним случилось? Что его тревожит?

Сегодня у меня усталый вид,

Который объяснить ничто не сможет.

Сегодня я в прострации из снов,

Из непонятно сотканных материй,

Опять ищу основы всех основ,

Которые искал напрасно гений.

Опять ищу своё второе «я»,

Такое раздвоение привычно,

Наверное, основа бытия

Лишь наши сны. А жизнь, она – вторична.

И если снятся море или лес,

Дорога, где обочины в Крестах,

Наверно, это лишь имеет вес.

Лишь то, что мы увидим в наших снах.

Мелькают дни безумным карнавалом.

А ты живёшь, довольствуясь и малым.

А ты живёшь, глотая чью-то ложь.

И, может быть, до смерти доживёшь.

А ты живёшь. В своем особом мире.

Где мысли замурованы в квартире,

где на площадке звук шагов соседских

в тебе рождает отклик людоедский.

И в этом одиноком душном склепе

вся философия давно нелепа.

А где-то за окном гуляет лето.

И, может, просто нужно видеть это?

Я помню наш далёкий остров.
На целом свете мы – одни.
Как было нам легко и просто!
Как быстро проходили дни!

Исчез тот остров, в дымке тая,
из нашей памяти давно.
Ты стал другим. И я другая.
Вернуть наш остров не дано.

У вечности глаза печальные.
В её глазах и Свет, и Мрак.
И что ей кольца обручальные?
Один пустяк.

У вечности глаза туманные.
Не разглядеть. Не заглянуть.
Что речи для неё обманные?
И ложный путь.

У вечности глаза закрытые.
Не различает свет от тьмы.
И временем давно убитые
мы в ней Н-Е-М-Ы.

Ю.К.

Ты, заражённый донкихотством,
опять вступил на путь войны.
Не награждай меня сиротством,
не дай тоске нарушить сны.

Но ты с упрямым постоянством
опять ведёшь неравный бой.
Не победить людского хамства.
Не надо жертвовать собой.

С душою нежной и ранимой
ты вечной доблести солдат,
но наша жизнь неповторима
и дни стремительно летят.

Я знаю, как бывает душно
среди пустых и скучных лиц.
Не победить нам равнодушья
на поле вырванных страниц.

Как много слов,
напрасно сказанных,
как много снов,
с тобою связанных.

Какая нить
соединила
нас словом «быть»
со словом «было»?

И где найти
приют единственный
нам на пути
в закат таинственный?

ИЮНЬ

Опять июнь. И наше море
всё так же пенится у ног,
и ветер, словно с гулом споря,
слагает свой протяжный слог.

Всё бrenно. Лишь морские дали
и ветер, и луна в волне,
они одни не потеряли,
что мы теряли на земле.

ЖИЗНЬ – КАКИХ-ТО ПАРУ СТРОЧЕК...

Обещаний смелый росчерк.

Что опять, готовишь, жизнь?

Я читаю между строчек

незаконченную мысль.

У Творца обычно много

важных неотложных дел.

Что ему моя дорога,

он её недоглядел.

Вот и мчусь я, спотыкаясь,

об ухабы, кочки, грязь.

Я не плачу, не ругаюсь.

Я не обвиняю Вас.

У меня неясный почерк.

Перепутались слова.

Жизнь – каких-то пару строчек –

если мысль ещё жива...

Всё, что ни случается –
происходит к лучшему,
всё, что сочиняется –
по велению случая...

Белые и Чёрные –
маски обозначены.
И обложки новые,
и слова потрачены.

И под чёрной тенью
притаился бес.
Главное прозрение –
это свод небес...

Рассвет свернулся кошкой у порога,
тихонько спит, неведомо ему,
какая в день мне предстоит дорога,
ненужная ни сердцу, ни уму.

А мне бы ночью слышать эти звуки,
и сонною рукой вписать в тетрадь,
ещё не знаю — счастье или муки,
их просто слышать или понимать...

ХОЧУ Я ЖИТЬ С ТОБОЙ НА БЕРЕГУ...

ЧАСТЬ 7

Хочу я жить с тобой на берегу,
Вдали от суеты и пыльных улиц,
Чтобы любить тебя не на бегу,
Чтоб чувства к нам опять вернулись!
Чтоб каждый миг, проведенный вдвоём,
стал – вечностью, и мы обманем время...

Не исчерпать любви нам водоём!

Нет в жизни ничего любви важнее!

Хочу я жить с тобой на берегу...

Я люблю. Остальное – потом.
Остальное – не нужно, не важно!
Я люблю. И страдаю притом,
и плыву каравеллой бумажной!

Я люблю. И назло всем ветрам,
всем сомнениям, всем неудачам,
никому я тебя не отдам,
знаю, что для тебя что-то значу...

Я люблю. Остальное – пустяк!
Через зыбкую дымку тумана,
я увижу далёкий маяк,
верю, что для тебя я желанна!

Я искала тебя по приметам.
По особому блеску очей,
По закатам, восходам, рассветам,
По бессоннице длинных ночей.

Я искала тебя по туманам,
По дождям и по грому с небес,
Я искала тебя по обманам,
Ангел, демон, любовник и бес...

Я искала тебя по приметам,
До сих пор продолжаю искать,
Между мраком и солнечным светом,
Где небес бесконечная гладь.

Не умолкает песнь,
Свет озаряет дом,
Мой ты сегодня – весь!
Может, забыл о том,

Как из-за чёрных туч
К нам забрела весна,
О том, как небесный луч
Нас отрезвил от сна?..

Призрачен и летуч
Дым твоего костра,
Как же огонь – могуч!
Как же стрела – остра!

Раненой птицы песнь,
Свет – лишь в тебе одном,
Мой ты сегодня – весь...
Может, забыл о том?

Дом пустой, замолкли в нём свирели,
Дым густой стоит над нашим садом,
Это навсегда во мне сгорели
Страсть и боль шального листопада.
Поскорей забуду этот голос,
Руки, что всегда ломали крылья.
Я стою – забытый жёлтый колос,
На ветру, где холодно и пыльно.

Отпущу тебя, мой сокол,
Поскорее улетай!
Не нашёл любви высокой,
Так найдешь дорогу в рай!
Улетай, сомкнутся тучи
Над твоею головой,
И тоска, змейей гремучей
Обвенчается с тобой...

Знаешь, всё-таки ноют раны,
те, что время не залечило,
и опять нарушая планы,
ноет сердце не без причины...

Знаешь, всё-таки это больно,
так прицельно плевал мне в душу,
знаю точно — с меня довольно,
этот замок сама разрушу...

Что ж уходи! В глазах немой упрёк,
вопросы разменяю на ответы,
Что ж уходи! Всей образностью строк
пошлю тебя в далёкие рассветы...

Я знаю, что приходит день и час,
когда любовь уходит в край закатный...
Ту нить, что до сих пор держала нас
мне обрывать, поверь, так неприятно!

Кончается терпенье у огня,
у снега, ветра, стога или плача...
Что ж уходи. Ты всем был для меня,
Ну а сейчас — ты ничего не значишь...

Серым цветом пусть обозначатся
Дни, прошедшие без тебя,
Даже небо дождями плачется,
Словно слышит оно меня...

Стать бы мне просто серым облаком,
И небесный раскрыв парашют,
Не скитаться вокруг да около,
Приземлиться, где любят и ждут...

Я забыла гордость,
Ни к чему она,
Вылита условность
в повседневность дня.
Обжигает болью
Ночь. И страсть. И блуд.
Может быть любовью
Это назовут?

Сомнения, противоречья, боль
Опять змеёй в мою вползают душу.
Всё хорошо, сегодня я с тобой
И это чудо больше не разрушу...
Когда глаза напротив непусты
И тишину с тобой умеют слушать,
Все помыслы становятся чисты...
Твои глаза сегодня лечат душу!

Как же не хочется мне от тебя уходить,
жизнь выпивать по утрам и большими глотками,
не разорвать эту хрупкую тонкую нить,
не переполнить до края всю душу стихами.

Выпей меня, словно чай, словно утренний кофе!
И расскажи, чем сегодня страдает душа.
Это – любовь, это – в венах играющий морфий,
и без любви не летать, не писать, не дышать...

КОГДА ТЫ НЕ РЯДОМ...

С чёрным вороном, с чёрною тучею,
по дороге в обычный закат,
повстречаюсь с тоскою гремучею...
Кто же в этом, скажи, виноват?

Мне сегодня особенно холодно,
потерялся весь купленный хлам,
для меня ты был Солнечным городом
и дорогой, ведущею в Храм!

Мне сегодня особенно ветрено,
дождь упрямо стучится в виски,
расстоянья считаю не метрами,
а размерами чёрной тоски...

Жизнь пролетает календарными страницами
От января до января,
А мне всё снится с длинными ресницами
Молодость мятежная моя...

Конечно же, душа у нас не старится,
По-прежнему, летать желает в снах,
Но сколько жить и сколько, сколько маяться,
Решает только ОН на небесах...

Из какой-то забытой сказки,
из каких-то далёких снов,
Из дождей, что смывали краски,
появилась моя любовь.

И теперь, всё терзает и мучает,
не даёт мне спокойно жить,
и пишу я от случая к случаю,
забывая и есть, и пить...

Я с тобой и нежна, и ласкова,
Мне открылась другая новь...
Старой книжкой, забытой сказкою
приходила ко мне любовь...

Наверное, с душою в унисон,
опять мне снится этот странный сон!
Цветной кометой, через сотни лет
я прилетела на парад планет.
И небо засверкало фейерверком,
я не жила по чьим-то глупым меркам.
Я зажигала звёзды и гасила,
в любви черпая мудрости и силы,
ходила иногда по краю бездны,
где все сомненья просто неуместны.
Где мой закат, похожий на исход,
не означает, что разрушен плот,
и мой ковчег, прошедший бурю слёз,
нашёл желанный берег Наших Грёз!

Знаешь, так по тебе скучаю,
что когда я включаю свет,
света просто не замечаю,
потому что тебя в нём нет.

Знаешь, так по тебе скучаю,
что назло всем календарям,
дни и числа не замечаю,
потому что живёшь не там...

Знаешь, так по тебе скучаю,
что давно не мила постель,
память с чувствами выключаю,
но включается счётчик потерь...

Прости! Была я не права.

Дурные мысли...

Ещё кружится голова

от этой жизни...

Ещё способна на мольбы,

ещё влюбляюсь,

ещё за краюшек судьбы

я так цепляюсь!

Ещё встречать хмельной рассвет

я не устала...

Моей душе две тыщи лет,

Начнём сначала...